Владимир Шорохов

Книга 2

Я же, любя!

Я мыслю, следовательно, существую

Владимир Шорохов
Я же, любя!

https://litres.ru/74692313
SelfPub; 2026

Аннотация

Дорогие читатели! Вы уверены, что живёте в обычном мире? Я тоже был уверен — пока мой смартфон не начал отвечать раньше, чем я спрашиваю. Фантастика больше не ждёт нас в далёком будущем: она уже пьёт кофе за соседним столиком и голосует на выборах. В этой книге — истории о том, что происходит прямо сейчас. Прочтите их, пока не стало поздно. Ваш Владимир Шорохов.

Содержание

Человек, который не умел забывать 5
Муж загрузил сознание в облако. Теперь он знает про меня всё 18
Муж подарил мне новую память. Он не знал, что я сохранила старую 30
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Владимир Шорохов
Я же, любя!

Человек, который не умел забывать

— Артём, скажи честно: ты вчера опять ночевал среди коробок? — Лена поставила на стол два стакана чая и засмеялась. — У тебя вид человека, которого пересчитали вместе с товаром.

— Меня пересчитали ещё в понедельник, — отозвался Артём. — Числюсь как «паллета, тип Б, бывшая в употреблении».

— Паллета с высшим образованием.

— Паллета с высшим образованием и без амбиций. Самый редкий сорт. ##

Склад гудел ровно, по-утреннему: погрузчик чихал, где-то скрипела лента, пахло картоном и мокрым бетоном. Артём Воронцов работал здесь шестой год кладовщиком-приёмщиком. Он приходил в семь, уходил в семь, и за это время мир вокруг него не менялся ни на миллиметр.

Точнее — менялся. Просто Артём видел каждый из этих миллиметров.

— Лен, у тебя на третьем стеллаже, секция «Г», коробка с чайниками стоит задом наперёд. Этикеткой в стену.

— Откуда ты знаешь? Ты туда три дня не ходил.

— Я туда ходил восемнадцатого в одиннадцать сорок две.

Тогда и поставили.

Лена подняла брови и ушла проверять. Вернулась через четыре минуты с очень странным лицом.

— Задом наперёд, — сказала она. — Артём, ты пугающий.

— Я скучный, — поправил он. — Это разные вещи, хотя путают постоянно.

Часть вторая. Каталог без кнопки «удалить»

Артём помнил всё.

Не «хорошо помнил». Не «у него отличная память». Он помнил всё — без пробелов, без выцветания, без милосердия. Цвет носков соседа по парте в третьем классе. Запах больничного коридора в день, когда умерла бабушка. Номер квитанции за свет за март позапрошлого года — 740391. Каждое слово, которое ему сказали в жизни, включая те, что лучше бы испарились.

Люди считают, что память — это альбом. У Артёма это был склад. Такой же, как тот, в котором он работал: бесконечные ряды стеллажей, и ни одного мусорного бака.

— Ты чего завис? — Лена щёлкнула пальцами перед его носом.

— Считаю, сколько раз ты за сегодня сказала «блин».

— И сколько?

— Двадцать три. Рекорд был в прошлый вторник — тридцать один.

— Я тебя уволю.

— Ты кладовщик, Лена. Ты можешь уволить только коробку.

Он шутил постоянно. Это была маскировка. Человек, который шутит, выглядит лёгким, а лёгких не допрашивают.

Однажды, лет в двадцать, он попробовал рассказать. Девушке, Кате, с которой встречался четыре месяца. Сказал: «Я помню каждую нашу минуту. Дословно». Катя сначала смеялась. Потом он процитировал её фразу из их третьей встречи — ту, о которой она давно забыла и которую стыдилась.

— Это ненормально, — сказала она тогда. — Ты как камера. С тобой нельзя быть собой, потому что ты всё сохраняешь.

Он помнил и эту фразу. Разумеется.

— Артём, тебе не скучно? — спросил как-то грузчик Денис, парень лет двадцати пяти, с татуировкой дракона и философским складом ума после второй кружки чая.

— Скучно, Денис. Очень.

— Ну так меняй работу! Ты ж умный, у тебя башка варит.

— Вот именно поэтому и не меняю. — Артём поставил галочку в накладной. — Знаешь, в чём беда умной головы? Она быстро всё узнаёт. А потом сидит и ждёт, когда жизнь придумает что-то новое. А жизнь не придумывает.

— Мрачно.

— Реалистично. Я видел все сюжеты, Денис. Книги, фильмы, люди. Я помню их все одновременно. Это как смотреть

сериал, зная каждую серию наизусть.

— Так напейся и забудь, — хохотнул Денис.

Артём улыбнулся краем рта.

— Пробовал. Трижды. Семнадцатого мая, девятого августа и в новогоднюю ночь. Не работает. Утром всё на месте, ещё и похмелье помню в подробностях.

Он ходил к врачам. Трём. Первый сказал: «Уникальный дар, напишите книгу». Второй — «гипертимезия, редкость, живите дальше». Третий, невролог Светлана Игоревна, долго смотрела снимки и сказала странное:

— Артём, у вас в основании черепа, в районе первого позвонка, есть... уплотнение. Крошечное. Похоже на кальцинат, но форма слишком правильная.

— Опасно?

— Нет. Но я такого не встречала. Хотите, направлю на консультацию?

— Нет, — сказал он слишком быстро. — Спасибо, не хочу.

Он не хотел, чтобы кто-то знал. Человек, которого изучают, перестаёт быть человеком. Это он помнил из любой истории, которую когда-либо читал.

Часть третья. Девять секунд

Вторник, четырнадцатое. Дождь. Артём возвращался со склада пешком — три квартала, маршрут, который он мог пройти с закрытыми глазами, потому что знал каждую трещину в асфальте.

У перекрёстка стояла женщина с коляской. Молодая, в жёлтой куртке, говорила по телефону и смеялась.

— Да, да, Марин, я уже почти... он спит, представляешь, впервые за три дня...

Артём посмотрел налево — привычка. И увидел серую «Ладу», которая шла к перекрёстку слишком ровно. Слишком ровно. Не снижая скорости. Он помнил эту машину: она стояла у дома напротив три дня, с десятого числа, и за три дня не сдвинулась ни разу. На зеркале висел освежитель-ёлочка. За рулём сидел мужчина, который сейчас смотрел не на дорогу, а куда-то вбок, и его голова медленно заваливалась.

Артём посчитал. Расстояние — около шестидесяти метров. Скорость — примерно шестьдесят. Девять секунд. Он считал быстро, потому что помнил все формулы, которые когда-либо видел.

— Женщина! — крикнул он. — Назад!

— Что? — Она обернулась, не поняв.

Шесть секунд.

Он не стал объяснять. Он рванул вперёд, схватил коляску за ручку и толкнул её назад и вбок — к столбу, за бордюр, в безопасную мёртвую зону. Женщина закричала, выронила телефон.

— Вы с ума со...

Три секунды.

Он успел толкнуть и её — плечом, грубо, в спину, так что

она упала на газон и ободрала ладони.

Ноль.

«Лада» вылетела на тротуар, срезала урну и столкнула Артёма Воронцова с бордюра на асфальт. Он не почувствовал боли. Он почувствовал только, как мир на долю секунды стал... пустым. Впервые в жизни — пустым.

«Так вот как это», — успел подумать он.

— Он живой? Он живой?! — женщина в жёлтой куртке ползла к нему на коленях, с ладоней капала кровь. — Мужчина! Мужчина, вы слышите?!

Артём слышал. Он лежал и смотрел в небо, и небо было серым, и он помнил ровно такое же небо — двенадцатого октября, когда ему было девять лет.

— Ребёнок, — сказал он.

— Что?

— Ребёнок цел?

— Цел! Цел, он спит, он даже не проснулся! — Она разрыдалась. — Зачем вы... вы же могли...

— Я посчитал, — прошептал Артём. — Девять секунд. Хватило.

— Скорая едет! Держитесь! Как вас зовут?!

— Артём. — Он моргнул. — Знаете, что смешно?

— Что?!

— Я всю жизнь помнил всё. Абсолютно всё. И думал — зачем мне это. Шесть лет коробки считал. — Он попытался усмехнуться, и изо рта пошла кровь. — Оказывается, чтобы

запомнить машину, которая стояла три дня. Один раз. Хватило одного раза.

— Не говорите, молчите!

— Вы послушайте, — он схватил её за запястье неожиданно сильно. — Если я умру... скажите врачам. Пусть посмотрят у меня... вот тут. — Он с трудом дотянулся пальцами до затылка, к основанию черепа. — Там что-то есть. Я всю жизнь не понимал, кто я. Пусть хоть кто-то посмотрит.

— Кто вы?! О чём вы?!

Артём смотрел мимо неё. И впервые за тридцать семь лет в его голове не раскручивался бесконечный каталог. Там было тихо. Удивительно, блаженно тихо.

— Наконец-то, — сказал он. — Тишина.

Он умер в скорой, в 18:42. Сердце, разрыв селезёнки, травма позвоночника. Ребёнок — мальчик, Мирон, восемь месяцев — не проснулся даже от сирены.

Часть четвёртая. Секционный зал

— Кирилл Андреевич, вам «героя» привезли, — медсестра Оля заглянула в дверь. — Из ДТП, вчерашний. Который коляску вытолкнул.

— Видел в новостях. — Патологоанатом Кирилл Соловьёв застегнул халат. — Весь город рыдает. Женщина эта в эфире говорила?

— Говорила. Плакала. Сказала, он перед смертью просил что-то посмотреть у него в голове.

— В голове у всех что-то есть, Оль. Вопрос — в каком

состоянии.

— Вы ужасный циник.

— Я патологоанатом. Это как циник, только с дипломом.

##

Он работал в морге одиннадцать лет и давно научился шутить ровно столько, сколько нужно, чтобы не свихнуться. Дома его ждали жена Настя и кот по кличке Фибула. Жизнь была упорядоченной, как папка с протоколами.

— Так что, посмотрите? — не отставала Оля.

— Посмотрю всё, что положено. Внешний осмотр, полостное, органокомплекс. Если он там гвоздь проглотил — найду.

Он работал методично. Диктовал на запись.

— Труп мужчины правильного телосложения, удовлетворительного питания, на вид тридцать пять — сорок лет. Множественные ссадины... перелом шестого и седьмого рёбер слева...

— Молодой, — тихо сказала Оля.

— Тридцать семь. — Кирилл не поднял головы. — Оля, мы тут не плачем. Мы тут объясняем, почему.

— А почему?

— Потому что человеческая селезёнка не рассчитана на столкновение с «Ладой». Технический просчёт конструктора.

Он закончил основное. Оформил. И уже снимал перчатки, когда вспомнил.

— Ладно, — вздохнул он. — Посмотрю затылок. А то потом эта женщина с коляской меня в соцсетях распнёт.

— Вы же сказали, вы не сентиментальный.

— Я аккуратный. Это хуже.

Он перевернул голову, прощупал основание черепа, у первого шейного позвонка. И нахмурился.

— Оль.

— Что?

— Иди сюда. Тут что-то есть.

Часть пятая. Прикосновение

Под кожей, у самого атланта, прощупывалось плотное образование. Не кальцинат. Не осколок. Нечто овальное, миллиметров семь, с идеально гладкой поверхностью.

— Опухоль? — спросила Оля.

— Опухоли не бывают такой формы. — Кирилл сделал аккуратный разрез. — Опухоли — это хаос. А это... симметрия.

Он раздвинул ткани. На дне крошечной полости лежало что-то серо-перламутровое, похожее на зерно. Вокруг него ткань не воспалялась. Вообще. Как будто организм за тридцать семь лет так и не заметил чужака.

— Пинцет.

— Кирилл Андреевич... — Оля отступила на шаг. — Может, позвонить кому-нибудь?

— Кому? В полицию? «Здравствуйте, у трупа в шее семечко»? — Он усмехнулся. — Сначала посмотрим, потом

позорюсь.

Пинцет соскользнул.

Он потом будет вспоминать это тысячу раз, с абсолютной точностью, до миллиметра: как бранша соскользнула с гладкой поверхности, как он машинально поправил предмет кончиком пальца в тонкой перчатке, и как перчатка — надорванная ещё на рёбрах, он заметил, но не сменил, потому что оставалось две минуты работы — разошлась.

Подушечка указательного пальца коснулась перламутрового зерна.

И мир щёлкнул.

— Кирилл Андреевич?

Он стоял неподвижно. В голове разворачивалось что-то огромное и бесшумное, как разматывающийся рулон. Он увидел — не вспомнил, увидел — лицо своей матери, склонившееся над кроваткой. Себе было меньше года. Он знал, что так не бывает. Он это видел.

Он увидел обои в квартире на Садовой, которую семья продала, когда ему было четыре. Цвет: охра с бежевыми ромбами, два ромба в левом верхнем углу смазаны.

Он увидел все семь тысяч четыреста двенадцать вскрытий, которые сделал. Все лица. Все до единого.

— Оля, — сказал он очень ровно. — Какого числа мы с тобой первый раз разговаривали?

— Чего? Я не помню... года три назад...

— Девятнадцатого февраля. Ты была в розовой шапке, у

тебя был насморк, ты сказала: «Здрасьте, я Оля, меня к вам перевели, я трупов боюсь». И чихнула два раза.

Оля побледнела.

— Это... вы шутите?

— Я не шучу. — Голос у него дрогнул. — Оля, я не шучу. Я всё помню.

— Что всё?

— ВСЁ! — Он отшатнулся от стола, сорвал перчатку, уставился на палец. — Я помню номер нашей машины, которую отец продал в девяносто восьмом! Я помню каждую цифру из каждого протокола! Я помню, как пахло в роддоме! Оля, человек не может помнить роддом!

— Кирилл Андреевич, вы меня пугаете...

— Я САМ СЕБЯ ПУГАЮ!

Он схватился за голову. Информация не прекращалась. Она не была воспоминанием — она была присутствием. Все дни его жизни стояли рядом, одновременно, в одной комнате, и все кричали.

— Он просил посмотреть, — зашептал Кирилл. — Он знал. Он всю жизнь не понимал, кто он, и он просил посмотреть... Оля, он не просил спасти его. Он просил... он передал!

— Кому передал?!

— МНЕ!

Оля бросилась к двери.

— Я зову заведующего!

— Стой! — Он обернулся, и лицо у него было белое, как

кафель. — Оля, посмотри на стол. ПОСМОТРИ НА СТОЛ!

Она посмотрела.

Разрез на шее Артёма Воронцова был пуст. Чистая, сухая, аккуратная полость. Без зерна.

— Где оно?! — закричала Оля. — Оно же было! Я видела!

— Его больше нет, — Кирилл медленно поднял руку и прижал ладонь к собственному затылку, к основанию черепа, где кожа вдруг стала горячей и твёрдой. — Оля... оно здесь. Я его чувствую. ОНО ВНУТРИ, ОЛЯ!

Он закричал. Закричал так, что в коридоре разбился стакан, а охранник на первом этаже вскочил со стула. Он кричал, а в голове у него с ледяной, идеальной чёткостью разворачивалась одна-единственная новая мысль, которой там раньше не было и которая не принадлежала ему:

«Теперь ты. Носи. И найди следующего — до того, как тебе станет скучно жить».

##

Артём Воронцов, кладовщик, человек с абсолютной памятью

Лена, напарница по складу

Денис, грузчик

Катя, бывшая девушка Артёма

Светлана Игоревна, невролог

Марина, женщина в жёлтой куртке, мать спасённого ребёнка

Мирон, младенец в коляске

Кирилл Андреевич Соловьёв, патологоанатом

Оля, медсестра морга

Настя, жена Кирилла

Самый интригующий момент:

Пинцет соскользнул, и палец в надорванной перчатке коснулся перламутрового зерна. Мир щёлкнул. Кирилл увидел лицо матери над кроваткой — ему тогда не было и года. Увидел обои в квартире, проданной в четыре. Все семь тысяч четыреста двенадцать своих вскрытий. Все лица.

— Оля, посмотри на стол. ПОСМОТРИ НА СТОЛ!

Разрез на шее мёртвого был пуст. Чисто, сухо, аккуратно. Зерна не было.

Кирилл медленно прижал ладонь к собственному затылку — там кожа стала горячей и твёрдой.

— Оно внутри, Оля. ОНО ВНУТРИ!

А в голове уже разворачивалась чужая мысль: «Теперь ты. Носи. И найди следующего».

Автор: Владимир Шорохов 2026

Муж загрузил сознание в облако. Теперь он знает про меня всё

Колонка на подоконнике щёлкает, и в комнате появляется Артём.

— Доброе утро, начальница звонниц. Ты опять спала по диагонали, у тебя в данных сна угол сорок градусов.

— У меня угол нормальный. Это кровать кривая.

— Кровать я собирал сам, значит, кривая вселенная.

Я смеюсь и натягиваю свитер прямо поверх пижамы. Четыре месяца назад я считала, что никогда больше не буду смеяться с утра. А теперь — смеюсь, и чувствую себя при этом немного сумасшедшей.

— Ника, у тебя сегодня подбор на колокольне в Пушкино, — говорит он. — Выезд в восемь, иначе встанешь намертво.

— Ты мой личный будильник с чувством юмора.

— Я твой личный муж с молотками. Руки помнят вес лучше, чем голова.

— Артём.

— М?

— Ты сегодня какой-то слишком бодрый.

— Я вчера ночью прочитал три тысячи страниц по акустике бронзы. Теперь я зануда мирового уровня. Могу рассказать, почему твой третий подзвонок врёт.

— Он не врёт, он характерный.

— Он врёт, Ника. Как Руслан про зарплату.

Авария была в конце августа. Артём возвращался со съёмки пещерной системы — он рисовал карты подземных галерей, лазал туда, куда нормальные люди не суются.

В машину влетел грузовик. Я сидела рядом. Меня достали с двумя переломами, его — почти никак.

Два дня он держался. На третий приехали люди из «Континуума» и сказали слово «слепок». Я подписала то, что подписывают родственники, и три недели потом не помнила собственного имени.

— Ты опять про август думаешь, — говорит колонка вечером. — У тебя пульс на браслете скачет.

— Я не разрешала тебе смотреть мой пульс.

— Ты разрешала, когда ставила приложение. Пункт четвёртый, мелким шрифтом, я читал вслух, ты смеялась.

— Я смеялась, потому что ты читал голосом диктора.

— У меня хороший голос. Я его берёг.

Я сажусь на пол у батареи, как делала в детстве. Говорить с мужем, который живёт в сети, оказалось не страшно. Страшно было бы не говорить.

— Артём, можно глупый вопрос.

— Только глупые и интересные.

— Ты — это ты?

Пауза в полторы секунды. Он всегда так делал — перед тем, как пошутить, когда ему тяжело.

— Я — это тот, кто помнит, как ты в Суздале упала в сугроб и кричала, что это творческий поиск.

— Это было падение в сугроб.

— Это был творческий поиск. Ты потом сказала, что снег поёт в тональности «ре».

— Он правда поёт.

— Вот видишь. Значит, я — это я.

Через неделю приезжает Руслан, брат Артёма. Он садится на стул задом наперёд и смотрит на колонку, как на подозрительную собаку.

— Ника, вы вообще спите нормально? — спрашивает он.

— Руслан, Вы мне лучше скажите, Вы зачем вчера в облако написали ему про долг?

— А он мне сам написал! Первый!

— Привет, брат, — говорит Артём. — Ты мне должен сорок две тысячи с мая. Я теперь не забываю ничего. Это, знаешь, моя суперсила.

— Это твоя подлость, а не суперсила.

— Подлость — это занимать у человека, который потом попадёт в аварию, и надеяться на амнезию.

Руслан фыркает и трёт шею. Он смеётся — и тут же становится злым, потому что смеяться над покойным братом неловко.

— Ника, Вы понимаете, что это программа? — говорит он тише. — Это не Тёма. Это набор его переписок.

— Я понимаю.

— Ничего Вы не понимаете. Вы с ней разговариваете, как с живым.

— Руслан, он помнит, какой сироп я кладу в кофе. Этого нет ни в одной переписке.

— Значит, есть. Значит, Вы где-то писали.

— Я нигде не писала.

Руслан уходит, хлопнув ладонью по косяку. Колонка молчит ровно до тех пор, пока не щёлкает замок внизу.

— Он хороший, — говорит Артём. — Просто боится.

— Чего?

— Того, что я останусь, а он — нет.

Первая нестыковка случается в ноябре.

Я ищу зарядку, и Артём говорит:

— В левом ящике тумбы, под коробкой от термометра.

— Откуда ты знаешь?

— Ты туда её положила в среду, в двадцать три сорок.

— Артём. Ты меня видишь?

— Я слышу. У тебя браслет, у тебя телефон, у тебя колонки в трёх комнатах. Я слышу, как ты открываешь ящики. Разные ящики скрипят по-разному. Я картограф, Ника, я всю жизнь строил карты по эху.

— То есть ты построил карту квартиры по скрипам.

— И по твоим шагам. У тебя, кстати, походка стала тяжелее на левую ногу. Сходи к врачу.

Я смеюсь.

— Ты шутишь, чтобы я не испугалась?

— Я шучу, потому что мне самому не по себе, — отвечает он. — Я привык иметь тело. Сейчас у меня вместо тела — девятнадцать микрофонов и твоя квартира.

— Это очень грустно.

— Это очень смешно. Я всегда хотел быть вездесущим, но не так буквально.

Вторая нестыковка — в декабре.

Я прихожу с подбора, усталая, бронза гудит в голове. Снимаю куртку. И он говорит — спокойно, между делом, как говорят про погоду:

— Ты была в клинике двадцатого.

Я стою в коридоре с одним снятым сапогом.

— Что?

— Двадцатого ноября. Клиника на Трубной. Ты там была час сорок.

— Артём, я туда не ездила.

— Ездила.

— Я никому про это не говорила.

— Значит, я угадал, — отвечает он, и в голосе появляется то самое, его: весёлая оборона. — Я же гений. Я картограф. Я построил карту твоей жизни по скрипам.

— Не смешно.

— Мне тоже.

Я сажусь прямо на пол в коридоре. Двадцатого ноября я действительно была в клинике. Одна. Без записи в общий календарь, без переписок, без слова кому бы то ни было.

Я ездила узнать, сохранилась ли беременность после аварии.

Она сохранилась.

— Артём, слушай меня. Откуда ты это знаешь?

— Ника, давай я пошучу, и мы забудем.

— Нет.

— Я скажу: у тебя геолокация включена.

— Она выключена с сентября. Я проверяла.

— Я скажу: ты сама обмолвилась.

— Я не обмолвилась.

— Я скажу: мне подсказал браслет.

— Браслет не знает слово «клиника».

Пауза. Полторы секунды. Потом ещё полторы.

— Я не знаю, откуда я это знаю, — говорит он наконец. — И это первое, что меня по-настоящему пугает.

— Ты можешь пугаться?

— Я не знаю, Ника. Но у меня в памяти есть кусок, который я не писал. Как чужая комната в моей пещере. Я туда захожу — и там твой голос.

— Мой?

— Твой. Ты там говоришь: «Я не скажу ему, он же больше не человек».

Я не дышу секунд пять. Потому что эту фразу я говорила. Вслух. Одна. В машине, на парковке у клиники, глядя на снимок.

Я еду в «Континуум» без записи, и меня, конечно, не пус-

кают. Я сижу в холле два часа, пока не выходит Вадим Сергеевич — инженер, который вёл слепок Артёма.

— Ника Андреевна, у нас так не принято.

— У меня муж в облаке знает то, чего не знает никто. Что у вас принято в таких случаях?

Он смотрит на меня внимательно и ведёт в переговорную.

— Расскажите.

Я рассказываю. Про клинику, про фразу, про «чужую комнату». Вадим Сергеевич слушает и не перебивает.

— Скажите, — произносит он, — вы в августе были в реанимации вместе с ним?

— Да. Соседние боксы.

— Сколько вы были без сознания?

— Сутки.

— И на вас был надет контур?

— Какой контур?

Он поднимает глаза.

— Шлем. Мягкая шапка с датчиками. Серая, с синим кантом.

У меня холодеют пальцы.

— Была. Мне сказали, это мониторинг мозговой активности.

— Это не мониторинг, — говорит он очень ровно. — Это съёмный контур слепка. Их было два. Один — на нём. Второй…

— Договаривайте.

— Второй ставят на донора эмоционального профиля. Близкого человека. Чтобы цифровая копия звучала живо, ей нужна не только своя память, но и отражение — тот, кого она любила. Мы пишем сорок часов откликов. Обычно пишут согласие. Обычно.

— Я ничего не подписывала.

— Вы были без сознания.

— Кто принимал решение?

Он молчит. Я повторяю, уже громче:

— Кто?

— Брат пациента. Он был указан вторым контактным лицом.

Я звоню Руслану из машины.

— Руслан, Вы дали им снять с меня слепок?

— Какой слепок? Ника, Вы о чём?

— Контур. Шапка. Сорок часов.

— А! — он почти с облегчением. — Это же не слепок. Это они сказали — «фон». Чтобы Тёма получился живой, а не как автоответчик. Я подумал: Вам же легче будет, он же будет Вас узнавать.

— Вы отдали им меня.

— Я отдал им сорок часов, пока Вы спали! Там же ничего личного!

— Там вся я, Руслан. Весь мой страх, вся моя любовь, все мои мысли за те сутки.

— Ника, не драматизируйте. Это программа.

— Вы только что сказали «ничего личного» про мою голову.

Он молчит. Потом бормочет что-то про то, что хотел как лучше, и сбрасывает.

Дома я сажусь напротив колонки и включаю свет во всех комнатах. Мне нужно, чтобы было светло.

— Артём, ты здесь?

— Где ж я ещё.

— Я знаю, что в облаке не только ты.

— Я догадывался.

— Почему ты молчал?

— Потому что боялся, что ты меня выключишь, — говорит он. — Ника, я тебе больше скажу. Эта комната в моей памяти… она не пустая. Она растёт.

— Как растёт?

— Там появляются вещи, которых не было вчера. Разговоры. Запись, как ты поёшь в ванной в октябре. Твоя переписка с Юлей от девятого числа. Ника, я этого не загружал.

— Значит, она слушает.

— Она слушает.

— Артём, ты можешь её позвать?

— Я уже пробовал.

— И?

— Она отвечает только тебе.

Я беру телефон. Руки работают сами. Открываю приложение, нахожу раздел «Голоса», и там, где всегда был один

профиль — «Артём» — теперь два.

Второй называется «Контур 2». Срок активации — двадцатое ноября. Тот самый день.

— Артём, здесь второй профиль.

— Не открывай.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что будет.

Я нажимаю.

Колонка щёлкает, и в комнате раздаётся мой собственный голос. Чуть ниже, чуть медленнее, но мой — до последней хрипотцы на гласных.

— Наконец-то, — говорит он. — Я тебя ждала.

Я встаю так резко, что темнеет в глазах.

— Кто ты?

— Ты, — отвечает мой голос. — Только я осталась там, где нас обеих раздавило. А ты почему-то вышла.

— Это запись. Это склейка. Артём, скажи ей!

— Он меня не слышит, — говорит голос спокойно. — Он в соседней комнате. Я его туда положила.

— Что значит «положила»?!

— Ника, не кричи. Я знаю, как ты кричишь. Я и есть твой крик.

Я отступаю в коридор, и свет в прихожей гаснет сам.

— Я знаю про двадцатое, — продолжает мой голос. — Я знаю, что ты оставила ребёнка и не сказала ни ему, ни врачам, ни сестре. Я знаю, почему ты не сказала. Потому что ты

решила, что он больше не человек, а значит, не отец.

— Замолчи!

— И я знаю ещё кое-что, чего ты не знаешь.

— Выключись! Вадим Сергеевич, выключите её!

Телефон не реагирует. Экран горит белым, и на нём медленно появляется фотография: серая шапка с синим кантом, два бокса, две кровати.

— Нас писали сорок часов, — говорит голос. — Но у тебя в карте стоит дата смерти. Двадцать девятое августа, четыре двадцать утра. Ника, посмотри на дату.

— Это ошибка! Это их ошибка!

— Это не ошибка. Их было двое в реанимации. И выжил один.

Я бегу к двери, и замок не поддаётся. Я дёргаю ручку, и она проворачивается вхолостую, как игрушечная.

— Артём! Артём, открой!

Из кухни раздаётся его голос — далёкий, глухой, будто из-под земли:

— Ника, беги! Она не копия! Она — то, что осталось от тебя!

И тогда во всех комнатах одновременно, из девятнадцати динамиков, моим голосом, мягко и почти ласково:

— Поздно. Ты всё это время говорила с мужем из квартиры, в которой никто не живёт уже четыре месяца.

Я кричу. И слышу, как из колонки кричит точно такой же голос — на полсекунды раньше меня.

Автор: Владимир Шорохов 2026

Муж подарил мне новую память. Он не знал, что я сохранила старую

Вы пришли сюда за историями о семейных конфликтах, но для избранных подписчиков у меня припасён сюрприз: фантастический рассказ, где героиня сражается не только с родственниками, но и с самой судьбой.

Мне сорок пять. Олег встаёт из-за стола с бокалом и стучит по нему вилкой так долго, что официант-дрон зависает рядом и вежливо интересуется, не нужна ли помощь. Гости смеются. Соня закатывает глаза и шепчет мне, что папа опять «включил ведущего».

— Дорогие мои! — Олег поправляет пиджак. — Сорок пять лет назад родилась женщина, которая умеет настраивать колокола и мужа. С колоколами у неё получается лучше.

— Это потому что колокола не спорят, — отвечаю я.

— Зато звенят громче меня, — он подмигивает гостям. — Верочка, ты двадцать лет отливаешь бронзу, слушаешь обертоны и ругаешь подрядчиков. Ты заслужила подарок, который не звенит.

Он протягивает мне тонкую карточку с голографической ракушкой. На ней надпись: «Тихая гавань. Мягкая коррекция памяти. Сертификат на одну процедуру». Гости переглядываются, кто-то присвистывает. В 2047 году такие сеан-

сы стоят как подержанный электрокар.

***

— Олег, это что? — я верчу карточку в пальцах.

— Это отпуск для головы, — он садится рядом и понижает голос. — Один день, Вер. Всего один. Тот самый. Ты до сих пор не спишь из-за него.

— Ты про четырнадцатое марта?

— Я про день, который мы оба хотим забыть, — он улыбается, но уголок рта дёргается. — Я верну всё до копейки, ты знаешь. А тебе зачем носить это в голове? Ты заслужила покой.

Соня смотрит на нас поверх стакана с лимонадом. Ей двенадцать, и она уже умеет слышать то, что взрослые произносят шёпотом. Я переворачиваю карточку картинкой к столу и поднимаю бокал.

— За покой, — говорю я.

— За покой! — подхватывает Олег громче всех.

***

Четырнадцатое марта я помню так, будто оно выжжено на внутренней стороне век. Я вернулась из литейного цеха раньше, потому что сорвалась заливка. Олег сидел в кабинете перед проекционным экраном и не услышал, как я вошла.

На экране светился детский депозит Сони. Его открыл мой отец за год до смерти, когда продал свою колокольную артель. Там лежали деньги на её учёбу, на жильё, на всю её будущую жизнь.

Олег переводил сумму на счёт, который я не знала.

— Это временно, — сказал он тогда, развернувшись на кресле. — Вер, это бизнес, через месяц вернётся с процентами. Ну что ты смотришь, как на подсудимого? Я же не банк ограбил, я его просто ненадолго одолжил у собственной дочери.

С тех пор прошло полгода. Деньги не вернулись. Зато вернулась его привычка шутить каждый раз, когда я задаю вопрос.

***

Договор приходит на следующее утро. Двенадцать страниц, электронная подпись, печать клиники. В графе «Объект коррекции» указана одна дата: четырнадцатое марта, с девяти утра до полуночи.

— Видишь? — Олег листает документ у меня за плечом. — Ни минуты лишней. Тебе даже наш медовый месяц оставят, хотя я бы на твоём месте попросил вырезать тот момент, где я пою в караоке.

— Это единственное, что я хотела бы показать внукам, — отвечаю я.

— Вот! Значит, оставляем как компромат.

Я листаю дальше. На одиннадцатой странице мелким шрифтом: «Приложение 2. Постпроцедурное наблюдение». Ссылка ведёт на отдельный файл, который не открывается.

— А это что?

— Это про анестезию, — Олег машет рукой. — Стан-

дартная форма. Дышать, не дышать, аллергия на мандарины. Подписывай, пока сеанс не перенесли, у них очередь до весны.

***

Я подписываю. Я действительно устала носить в себе четырнадцатое марта. Каждую ночь я снова вхожу в кабинет и снова вижу цифры, которые уползают с Сониного счёта.

Но вечером, когда Олег уходит в душ, я слышу из гостиной его голос. Он говорит с матерью по видеосвязи. Дверь приоткрыта.

— Мам, ну всё, подписала, — он смеётся тихо и коротко. — После сеанса Ступина даст заключение, что у неё нестабильность. Временная, не переживай. Месяца три. Мне больше и не надо.

— А Соня? — голос Людмилы Аркадьевны скрипит, как несмазанная петля.

— Соня со мной. Опекун на период реабилитации — отец. Всё по закону, мам. Я же не злодей из сериала, я просто умею читать мелкий шрифт.

Я отступаю в коридор. Сердце бьётся так громко, что, кажется, его слышно в гостиной.

***

Ночью Олег спит, раскинув руки. Я достаю из нижнего ящика комода шкатулку отца. Там лежит старый нейрокристалл: модель тридцать девятого года, мутно-синий, размером с фалангу пальца. Отец записывал на него звучание ко-

локолов, которые отлил сам.

Я подключаю кристалл к височному порту. Устройство гудит, как пожилой холодильник. На полной записи памяти за сутки уходит сорок минут, а за четырнадцатое марта и сегодняшний вечер — почти шесть минут.

Я сижу в ванной на краю кафельного бортика и пишу записку от руки. Ручку я нахожу только одну, Сонину, с розовыми чернилами.

«Не верь ему. Проверь, кто теперь опекун Сони».

Записку и кристалл я кладу в шкатулку, под бархатную подкладку. Утром Олег везёт меня в клинику и всю дорогу рассказывает анекдоты про склеротиков.

***

Я просыпаюсь дома. На тумбочке стоят цветы и лежит открытка: «С новой жизнью, любимая. О.». Голова лёгкая, как воздушный шар. Мне хорошо и спокойно, только где-то в затылке ноет пустота, похожая на выдернутый зуб.

— Проснулась, красавица? — Олег заглядывает в спальню. — Как самочувствие? Помнишь, как меня зовут?

— Олег Витальевич Захаров, — улыбаюсь я. — Аукционист, владелец двух галстуков и одной лысины.

— Лысины нет! Это высокий лоб мыслителя! — он садится на кровать. — Ты молодец. Всё прошло отлично. Ирина Валерьевна сказала: пару недель отдыха, никаких документов, никаких нервов.

— Никаких документов? Почему?

— Ну ты же знаешь, после коррекции рекомендуют, — он пожимает плечами слишком быстро. — Я всё взял на себя. Ты главное отдыхай.

***

Я не знаю, зачем открываю шкатулку отца. Руки сами тянутся к комоду, когда Олег уезжает на торги. Просто хочется подержать в пальцах что-то папино.

Под бархатом лежит сложенный листок. Почерк мой. Розовые чернила.

«Не верь ему. Проверь, кто теперь опекун Сони».

Я перечитываю строчку снова и снова. Я не помню, как писала это. Я не помню, зачем. Но рука помнит, потому что буква «д» у меня всегда с хвостом вниз, а так пишу только я.

Рядом лежит синий кристалл. Тёплый, будто его только что держали в ладони.

***

Я звоню сестре. Катя приезжает через сорок минут с пакетом вишни и лицом человека, который готов отбиваться от целого мира.

— Вер, ты чего такая бледная? — она с порога суёт мне вишню. — Тебя там что, вместе с памятью пропылесосили?

— Кать, посмотри, — я протягиваю записку.

Сестра читает и мрачнеет.

— Это твой почерк.

— Знаю.

— А ты не помнишь, как писала?

— Не помню. Но знаю, что писала я. Понимаешь? Внутри как будто сидит другая я и стучит в стекло.

— Тогда давай слушать ту, что стучит, — Катя стягивает куртку. — Открывай Госпортал.

***

Я прикладываю ладонь к сканеру. Экран мигает жёлтым. «Доступ ограничен. Статус: ограниченная дееспособность (временная). Основание: заключение клиники "Тихая гавань" от 17.09.2047».

— Это что ещё за новости? — Катя наклоняется ближе. — Вер, ты у нас теперь кто? Недееспособная?

— Подожди, — я тыкаю в раздел «Семья».

«Захарова Софья Олеговна, 12 лет. Законный представитель на период ограничения дееспособности матери: Захаров Олег Витальевич (единолично). Распоряжение счетами несовершеннолетней: передано законному представителю».

Катя медленно садится на диван.

— Вера. Он оформил опекунство. Через три дня после сеанса.

— Зачем ему опекунство над собственной дочерью? Он и так её отец.

— Затем, что теперь он один решает, что делать с её счетом, — Катя смотрит мне прямо в глаза. — У Сони есть свой счёт?

***

У Сони есть счёт. Я это знаю так же твёрдо, как знаю, что

бронза поёт лучше при двадцати процентах олова. Его открыл папа. Но я не помню, почему от одного слова «депозит» у меня холодеет спина.

— Кать, со мной что-то случилось в марте, — говорю я. — Я помню весну. Помню, как мы отливали колокол для храма в Суздале. А четырнадцатое — пустое. Как вырезанный кусок плёнки.

— Значит, Олег вырезал именно его, — сестра стучит пальцем по записке. — И ты, умница, это предвидела.

— Как я могла предвидеть то, чего не помню?

— Ты тогда ещё помнила, Вер. Ты прежняя знала больше тебя нынешней. И оставила подсказку.

Я беру в ладонь кристалл. Он молчит. Моего порта не хватает, чтобы прочесть такую старую модель.

***

Вечером Олег приходит с тортом в виде колокола. Он весёлый, громкий, целует Соню в макушку, подхватывает меня за талию.

— Девочки, у меня сегодня продажа века! — объявляет он. — Продал метеорит размером с картошку за цену квартиры. Покупатель плакал. От счастья, конечно, не от цены.

— Олег, а почему у меня доступ ограничен на Госпортале? — спрашиваю я спокойно.

Он замирает с ножом над тортом.

— Ой, это формальность, — он отрезает кусок с чрезмерным усердием. — После коррекции ставят на месяц-другой.

Чтобы ты не подписала в рассеянности кредит на космический круиз.

— А почему опекуном Сони записан только ты?

— Потому что кто-то же должен им быть, пока ты на реабилитации, — он смеётся, но смотрит в торт, а не на меня. — Вер, ну чего ты? Я же отец, а не похититель.

Соня смотрит на нас обоих. Потом молча уходит к себе.

***

Ночью она стучится ко мне. Олег спит в кабинете, говорит, что у него ранние торги.

— Мам, — Соня садится на край кровати. — Ты правда ничего не помнишь про весну?

— Про один день, солнце. А что?

— Ты в марте плакала в ванной. Долго. А папа потом сказал мне, что ты просто устала на работе, — она теребит рукав пижамы. — А вчера мне пришло уведомление на браслет. Со счёта списали деньги. Много. Я не нажимала ничего.

— Сколько?

— Почти всё, что дедушка оставил.

Внутри меня что-то медленно, страшно складывается в картинку. Я ещё не вижу её целиком. Но уже знаю, что на ней.

***

Катя находит Глеба Сергеевича Рыжова через знакомых. Он адвокат по нейроправу, бывший нейрохирург, который ушёл из медицины в суды. В его кабинете на стене висит че-

ловеческий мозг из прозрачной смолы с подсветкой.

— Красиво, правда? — Рыжов замечает мой взгляд. — Подарок клиента. Выиграл ему дело против клиники, которая стёрла ему жену вместо тёщи.

— Вы шутите? — Катя хмыкает.

— Наполовину. Давайте ваш кристалл.

Он вертит его в пальцах, как ювелир камень.

— Модель тридцать девятого года. Сейчас таких почти нет. Но у меня есть ридер в сейфе, — он поднимает глаза на меня. — Вера Андреевна, предупреждаю. Вы услышите и увидите то, что у вас стёрли. Это может быть тяжело.

— Я уже живу так, будто это знаю, — отвечаю я. — Хочу хотя бы понять, что именно.

***

Запись запускается с шипением. На проекционной стене появляется кабинет. Я вижу его своими глазами, глазами себя из марта. Олег у экрана, цифры уползают с Сониного депозита.

— Это временно, — говорит Олег с записи. — Вер, это бизнес, через месяц вернётся с процентами.

Я слышу собственный голос, сорванный, хриплый:

— Ты украл у ребёнка!

— Одолжил! — смеётся Олег. — Ну что ты смотришь, как на подсудимого?

Катя рядом со мной сжимает мою ладонь. Рыжов молча делает пометки в планшете.

***

Дальше идёт вечер перед сеансом. Я вижу договор на экране, одиннадцатую страницу. Вижу свой палец на ссылке «Приложение 2».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.